

А.И. Колганов

DOI: 10.33293/1609-1442-2022-1(96)-17-28

Целью статьи является изучение экономической природы денег. Автор отмечает, что в ряде наиболее распространенных денежных теорий вопрос о природе денег даже не ставится. Автор показывает, что ряд современных теорий денег имеет родство с номиналистической теорией, а также с концепцией кредитной природы денег. Однако природа денег в этих концепциях либо не получает ясного определения, либо основывается на ошибочном толковании фактов. Ответ на вопрос о природе денег автор начинает с анализа отношений товарного производства, лежащих в основе возникновения денег. Автор основывается на приоритете воспроизводственного подхода и полагает, что субъективно-психологические оценки полезности товаров не являются основанием пропорций обмена. Деньги рассматриваются как обособленное предметное бытие присущего товарам объективного свойства стоимости. Поскольку капиталы в современной экономике обращаются в основном в форме фиктивного капитала, именно его оборот выступает как основание кредитной эмиссии, обеспечивающей денежное обращение. Регулируемый характер кредитных отношений знаменует собой подрыв свойств денег как продукта стихийного движения товарного производства.

Ключевые слова: деньги, монета, товарное производство, обмен, капитал, ссудный капитал, кредит, кредитные деньги, фиктивный капитал.

JEL классификация: B10, B20, E41, E44, E50, P10.

© Колганов А.И., 2022 г.

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, onaglo@mail.ru

Поводом для написания этой статьи стала публикация, посвященная природе денег (Егоров, 2022). Автор вынес свою концепцию сразу в заголовок, полагая, что деньги являются лишь знаками – и это есть то общее свойство, которое объединяет любые разновидности денег. Мне не хотелось бы превращать свою статью в некое подобие рецензии на данную публикацию, я лишь воспользуюсь теми – вполне справедливыми – вопросами и критическими замечаниями, которые автор обращает к распространенным ныне концепциям денег. Взяв эти замечания за отправную точку, попробую представить позитивный взгляд на понимание природы денег, поскольку меня как и автора упомянутой статьи принятые ныне концепции денег не удовлетворяют.

Критическое обозрение основных концепций природы денег позволит увидеть те не проясненные моменты, которые мешают пониманию реальных экономических отношений, лежащих в основе феномена денег. Чтобы выявить эти отношения, необходимо разобраться в природе отношений товарного производства и обмена, на основе которых возникают деньги, а затем уже выяснить роль денег в системе этих отношений.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ ДЕНЕГ

Автор совершенно прав, указывая на то, что от существа проблемы уводит замена понятия денег расплывчатой категорией «активы», а распространенные определения денег частенько попадают в порочный круг. К тому же определение содержания денег через их функции просто недопустимо (Егоров, 2022).

Однако не удовлетворяет меня и альтернатива, предложенная в статье, согласно которой деньги – это всего лишь знаки.

Одним из основных недостатков самых распространенных концепций денег является фактический *отказ от определения природы денег*. В господствующей неоклассической теории (то, что именуется *mainstream*) деньги определяются через их функции. Это представление прочно закрепилось в учебной литературе: «Деньги – это то, что деньги делают. Все, что выполняет функции денег, и есть деньги» (Макконнелл, Брю, 1999, с. 273). А вот ответа на вопрос – что же выполняет эти функции? – мы не получаем, потому что этот вопрос и не ставится. А не ставится он потому, что методология неоклассики ориентирована на выяснение функциональных зависимостей между экономическими явлениями, закономерностей функционирования экономики. Поэтому она удовлетворяется количественной теорией денег, ограничивающей свои задачи выяснением количественных соотношений между уровнем и динамикой цен, массой обращающихся товаров, объемом и динамикой денежной массы.

С точки зрения определения экономической природы денег, в количественной теории денег нет различия между представителями транзакционного (Ирвинг Фишер, Милтон Фридман) (Friedman, 1956; Fisher, 1911) и кейнсианского подходов (Альфред Маршалл, Артур Пигу, Дон Патинкин) (Patinkin, 1956) – их отличает лишь разный подход к факторам обращения и накопления денег. Не вносит ничего нового в понимание экономической природы денег и концепция Джона Мейнарда Кейнса (Keynes, 1936), хотя она глубже, чем количественная теория, и проникает во взаимодействие движения денег с макроэкономическими процессами, что позволило ему предложить новые варианты денежного регулирования экономической активности.

Не углублялся в вопросы природы денег и сторонник радикального варианта нейтральности денег Фридрих фон Хайек. Он выступил с оригинальной концепцией множественных частных денег, функционирующих на конкурентной основе, которая заслужила признание со стороны главы Чикагской шко-

лы Милтона Фридмана, первоначально отвергавшего эту концепцию (Friedman, Schwartz, 1986). Однако в вопросе о природе денег он оказался близок к стандартной позиции неоклассической школы, определявшей деньги через высокий уровень ликвидности (т.е. способности к осуществлению функции обмена). Эту позицию разделял и его учитель, Людвиг фон Мизес: «Средство обмена, обычно используемое в качестве такового, называется деньгами» (Мизес, 2008, с. 373). Оригинальную нотку в определение денег Хайек внес следующим утверждением: «Между деньгами и не-деньгами нет четкой границы. Это означает также, что расхожее представление, будто существует четкая разграничительная линия между деньгами и не-деньгами – а закон обычно пытается провести такое разграничение – на самом деле неверно, если говорить о причинно-следственных связях в денежной сфере. Мы обнаруживаем здесь скорее некий континуум, в котором объекты с разной степенью ликвидности и с разной (колеблющейся независимо друг от друга) ценностью постепенно переходят друг в друга постольку, поскольку они функционируют как деньги» (Хайек, 1996, с. 98). Но с точки зрения определения денег как таковых, Хайек, как мы видим, ограничивается расхожей версией: деньги – это любые объекты, которые «функционируют как деньги».

Итак, о том, что такое собственно деньги, большинство экономистов основного течения может предложить лишь слова: «актив», «средство», «объект» и т.п. В этом можно убедиться, посмотрев, имеющиеся обзоры взглядов на сущность денег, например, (Мищенко, 2010, с. 35).

Фактически мы видим обращение к вопросу о природе денег в основном лишь у экономистов прошлого. Первая такая концепция – металлистическая – исходила из того, что благородные металлы по своей природе и есть деньги. Деньги, таким образом, рассматривались как некий особо ценный товар, обладающий свойством обмениваться на все остальные товары благодаря исключитель-

ным натуральным качествам золота и серебра. Концепция наивная, но обладавшая поверхностной эмпирической достоверностью. Она пользовалась популярностью во времена политики меркантилизма с его ориентацией на накопление золота и серебра, но уже в XVIII в. в основном сошла со сцены. Однако отголоски этой теории периодически возникали среди приверженцев возврата к золотому стандарту.

Другая концепция – номиналистическая – получила значительно более долгую жизнь. Приверженцы этой концепции полагали, что деньги есть всего лишь выступающий посредником в обмене товаров *знак*, ценность которого определяется авторитетом государства, определяющего номинал денежного знака. Можно убедиться, что автор статьи «Деньги – это знак» (Егоров, 2022), послужившей для меня поводом, не слишком оригинален, фактически склоняясь к номинализму – он также рассматривал деньги всего лишь как знак, нуждающийся в легитимации, чтобы стать деньгами.

В модернизированном виде эту концепцию в конце XIX – начале XX в. развивали представители хартализма, прежде всего Георг Фридрих Кнапп (Кнарр, 1924), а затем неохартализма. На этой концепции я еще остаюсь.

Родоначальником товарной концепции природы денег выступил Адам Смит, который рассматривал деньги как товар особого рода, выделившийся из всех остальных товаров, чтобы осуществлять функцию всеобщего эквивалента в товарном обмене. Эта концепция пользовалась большим авторитетом, но развитие бумажно-денежного обращения поставило ее под сомнение.

Когда Банку Англии пришлось принимать решения относительно правил организации эмиссии и обращения банкнот, столкнулись две концепции, ни одна из которых не выступала в чистом виде как товарная. *Валютная* (или денежная) школа (*currencyschool*; Джон Мак-Куллох, Роберт Торренс) утверждала, что выпуск и обращение бумажных денег будут устойчивы лишь в той мере,

в какой они опираются на золотые резервы. *Банковская* школа (Томас Тук и Джон Фуллартон) исходила из того, что количество банкнот в обращении определяется потребностью предпринимателей в кредите, а постольку оно не может быть излишним, поэтому не нуждается в ограничении золотыми резервами.

Концепция валютной школы не присоединялась к какой-то определенной трактовке природы денег, хотя в ее позиции видны отголоски металлистической теории, а представители банковской школы выступили родоначальниками кредитной теории денег.

Банк Англии встал на сторону валютной школы, и банковский акт Роберта Пиля 1844 г. закрепил эту победу. Денежное обращение на основе золотых резервов, действительно, более устойчиво. Однако оно оказалось не в состоянии удовлетворить потребности оборота в развивающейся капиталистической экономике. Поэтому действие банковского акта Роберта Пиля позднее неоднократно приостанавливалось (первый раз – уже в 1847 г., затем в 1857 г. и т.д.) и далее было пересмотрено с существенными уступками идеям банковской школы.

В XIX в. получает широкое распространение *количественная теория денег*, отказавшаяся, как отмечалось выше, от исследования природы денежных отношений и сосредоточившаяся на изучении количественных функциональных взаимосвязей между факторами денежного обращения.

Пожалуй, единственной современной денежной теорией, в которой ставится и как-то решается вопрос о природе денег, остается *кредитная теория*, получившая в последнее время развитие в виде современной теории денег (MMT, Modern Monetary Theory). Предпосылки этой теории были заложены в работах Хаймана Мински (Minsky 1957; 1991; 1994). Одним из наиболее известных современных представителей MMT является Ларри Рэй. Деньги, согласно этой теории, выступают как порождение кредитной системы, удовлетворяющей предъявляемый экономическими агентами (предпринимателями, домохозяйствами) спрос на деньги (Wray, 1990; 2012).

Однако и здесь ответ на вопрос о том, на основе чего возникают деньги, все же не разрешает в полной мере вопроса о том, а что они такое есть сами. – Кредитное обязательство? – Но почему оно, будучи чем-то отличным от той суммы денег, на которую оно выдано, само может выполнять функции денег? Понимая закономерность этого вопроса, хотя и не ставя его прямо, представители ММТ все же склоняются к тому, чтобы рассматривать деньги как знак или символ, собственной стоимости не имеющий, а выступающий как представитель реальных ценностей, находящихся в обращении.

Оригинальной разновидностью ММТ в решении вопроса о природе денег выступает *долговая теория*, которую можно отнести к неохарталистским концепциям, поскольку она также отталкивается от творческой роли государства в происхождении денег. Введение денег эта концепция связывает с налоговыми потребностями государства (Tcherneva 2006). Детальное изложение и попытку исторического обоснования этой (налогово-долговой) концепции можно найти в нашумевшей книге Дэвида Гребера, вышедшей не так давно и в русском переводе (Гребер, 2015).

Само возникновение рыночных отношений эта теория связывает с введением государством монеты как средства взимания налогов. Соответственно, для уплаты налога монетой нужно было что-то продать за эти монеты государству, что втягивало производителей в отношения купли-продажи. Игнорируется тот факт, что большая часть налогов в древнем мире взималась натурой, а сами налоговые отношения, как и купля-продажа, возникли задолго до появления монет. Впрочем, автор этой теории пытается утверждать, что доденежного товарного обмена не существовало, а все известные исторические свидетельства существования натурального товарообмена относятся к обстоятельствам, когда участникам обмена по каким-то причинам был затруднен доступ к деньгам.

Однако ввести монетное обращение можно только в такую экономическую среду, кото-

рая уже знает отношения обмена (пусть даже только натурального). Даже если исходным пунктом появления монет выступают фискальные нужды государства, то распространение денежного (монетного) обращения на всю торговлю можно объяснить только объективными потребностями всех участников рыночных отношений, а не одного только фиска (государственная казна). Иначе мы сконструируем фантастическую экономику, где хозяйствующие субъекты приобретают у государства монеты в обмен на поставку товаров для государственных нужд. Причем монеты приобретаются ровно в том количестве, какое необходимо для уплаты налогов: а зачем они еще нужны, если, по утверждению автора этой теории, никакого товарного обмена в экономике нет? Затем эти монеты отдают обратно государству, формируя тем самым замкнутую систему монетного обращения, где монеты циркулируют только как средство государственных закупок, с одной стороны, и уплаты налогов, с другой. Почему денежные отношения должны распространяться за пределы этого круга, совершенно неясно – ведь если за пределами этого круга нет товарного обмена, то не нужны и в монетах для его обслуживания.

Однако есть основания сомневаться в исторической достоверности этой трактовки. Фискальные потребности в древнейших обществах длительное время удовлетворялись и без монет.

Так, в Древней Руси государство не занималось эмиссией монеты (за исключением краткого периода с очень ограниченными масштабами чеканки), однако налоговая система существовала и действовала. Отчасти налоги, по «Русской правде» 1016 г. (Правда Русская, 1940), в XI в. (а отчасти и в X в.) взымали и в денежной форме (Ключевский, 1987, с. 165–166; Фроянов, 2001; Азизов, Хорошилов, 2020). Однако эти денежные налоговые ставки были не результатом «введения» монет государством, а опирались на уже давно (по крайней мере, с конца VIII в.) функционирующее на Руси денежное обращение на основе ввозных монет и их обрезков, а также

местных слитков (гривен), также не бывших результатом государственной эмиссии (Спаский, 1962, с. 20–39). В XII–XIII вв. наступает так называемый безмонетный период (там же, с. 40–51), что вовсе не привело к исчезновению налогов.

В Древнем Египте налоговая система длительное время покоилась исключительно на натуральных повинностях, но при этом существовала торговля! И она представляла собой в основном безмонетный, натуральный (по внешней видимости) обмен, в котором, однако, различные вещи уже выполняли функции денег, путем отождествления с определенными весовыми количествами металлов («колец» меди, серебра или золота), тем самым придавая обмениваемым товарам форму цены. И этот уровень развития товарно-денежного обмена (денежного, но безмонетного) был достигнут без денежного налогообложения и без эмиссии монет (Берлев, 1966).

Так, где же все-таки искать ответа на вопрос экономической природы денег?

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор статьи «Деньги – это знак» предлагает не искать природу денег в их происхождении. То, что многие исследователи происхождения денег отделяют этот вопрос от вопроса о природе денег (как и автор статьи о деньгах как знаках), не дает нам основания поступать так же. В вопросе о происхождении денег скрыт другой вопрос – что превращает нечто, не бывшее некогда деньгами, в деньги? По существу – это вопрос о качественном переходе, создающем деньги, а значит, – и о качественной природе денег.

Тем не менее, автор статьи не обходит стороной ранние исторические периоды формирования денежного обращения, утверждая, что и монеты из благородных металлов также являются всего лишь знаками, а их золотое

или серебряное содержание есть лишь способ легитимизировать статус этого знака как выразителя стоимостей обмениваемых товаров (Егоров, 2022). Однако такой взгляд на металлические деньги как на способ легитимации денежного знака грешит внеисторизмом (если не сказать – антиисторизмом).

Денежные функции начали исторически выполнять весовые части благородных металлов, не имеющие формы монет и потому никаких знаковых свойств не несущие, – их принимали к обмену именно как весовые порции металла. И ни в какой легитимации этот металл, чтобы быть принятым в обмен, не нуждался. Лишь в виде монеты эти порции металлов приобретают и некоторые свойства знаков, и правовую поддержку (легитимацию). Недаром многие старинные наименования монетных единиц ведут происхождение от обозначения единиц веса (талант, обол, песо, марка, фунт стерлингов).

Не может быть признан научно строгим тот прием, с помощью которого автор приводит к своему определению денег: «Начать следует с выделения тех свойств любой экономической системы, которые значимы для понимания сущности денег. И, прежде всего – обратиться к понятию *знака*» (там же). Сразу возникает вопрос, почему мы должны обратиться именно к понятию знака «прежде всего»? И с какой стати понятие «знак» есть выделение «свойств любой экономической системы»? Что в понятии знака такого собственно экономического? – Разумеется, знаки (например, титулы собственности или бумажные деньги) могут выполнять экономические функции. Но для этого надо сначала разобратся в природе тех экономических отношений, которые лежат в основе этих знаков, – какие экономические функции они выполняют?

И хотя автор вполне справедливо заявляет, что «в определение денег не должны входить их функции» (там же), он не может обойтись без определения экономического содержания, которые имеют деньги как знак. И для этого он благополучно вводит в свое определение функцию денег как меры стоимо-

сти, говоря, что деньги «есть объект, обозначающий ту или иную меру стоимости» (там же).

Концепция товарных денег, восходящая к Адаму Смиту, обходится без таких противоречий и находится ближе к реальности. Однако она не объясняет факта существования *фиатных денег*, не имеющих никакого собственного товарного содержания. Да, такие деньги можно рассматривать как идеальных представителей реального золота, и для системы товарно-денежного обращения до определенной стадии ее развития – это вполне релевантное объяснение.

Однако современные деньги утратили связь с золотой основой. Кроме того, они обслуживают в основном не оборот товаров и даже не оборот производительного, товарного или денежного капитала. Основная часть обращения сегодня – это обращение фиктивного капитала. И даже не оборот фиктивного капитала вообще, а внебиржевой оборот производных ценных бумаг (деривативов). Современные деньги выступают как мерило стоимости и средство обращения, обслуживающие именно эту специфическую часть товарной массы – свидетельств на ожидаемый доход от фиктивного капитала.

Превращение денег в агента, обслуживающего преимущественно движение капитала, а не «простых» товаров, приводит к удвоению потребительной стоимости денег. Капитал как товар (то есть с точки зрения торговли капиталом именно как капиталом) существенно отличается от обычных товаров. Потому и деньги, выступающие как форма денежного капитала, вовлекаемого в кредитные отношения (ссудный капитал), своим главным свойством имеют отнюдь не способность служить всеобщим эквивалентом товарного обмена, а способность приносить добавочные деньги (прибыль). В тоже время деньги продолжают исполнять роль всеобщего эквивалента в товарном обмене.

Следует разобраться, как экономическая природа денег (которую здесь еще предстоит определить) делает возможным *переход* от товарных денег к знакам стоимости, вы-

ступающим представителями денежного (золотого) товара на основе кредитных отношений, а от этих знаков – к фиатным деньгам, во многом утратившим не только реальную, но и идеальную связь с золотом.

Противоречат ли эти факты концепции товарной природы денег?

Хотя исторически деньги выделились из массы реальных товаров, специфика их собственного содержания состояла – и состоит – не в том, что они товары, а в том, что *отличает* их от товаров.

Наиболее проникательные исследователи природы денег отметили это еще в середине XIX в.: «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги – товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами» – отмечал К. Маркс в «Капитале». (Маркс, 1960, с. 102). И добавлял: «золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги» (там же, с. 114).

Я опираюсь здесь на марксистскую концепцию экономической природы денег постольку, поскольку до сих пор это – единственная концепция, отвечающая на вопрос, что такое деньги? Не для чего они служат, не на основе чего создаются, а что они сами такое.

Деньги выступают формой движения противоречия отношений простого товарного обмена, заключающейся в том, что при прямом обмене товара на товар неизбежно возникают *несовпадения потребности* покупателя и продавца в предлагаемых к обмену товарах. Вам нужен мой товар, но мне не нужен ваш. Возможность движения этого противоречия образуется с появлением товара, приобретающего свойство всеобщей обмениваемости, выступающего как обособившееся предметное бытие меновой стоимости товара. Это обособившееся предметное бытие меновой стоимости – деньги – дает возможность его обладателю (покупателю) приобрести любой товар, а покупателю – продать свой товар в обмен на приобретение всеобщего средства обмена. Разумеется, это не снимает присущую товарному производству проблему реализации, возникающую из-за того, что про-

изводителю не может быть абсолютно точно известна потребность в данном товаре, и такой товар может быть произведен в избытке или не надлежащего качества и т.п. Если же произведенный товар действительно является необходимым звеном в общественном разделении труда, то деньги снимают проблему обмена данного товара на любой другой.

И именно исследование вопроса о том, в какой форме товары могут выразить свою стоимость внешним образом, создать ее идеальное отображение, приобретающее отдельное от прочих товаров предметное существование, тем самым формируя универсальное средство обмена и мерило стоимости, приводит к пониманию сущности денег.

Если первоначально денежный товар мог выполнять функцию денег именно потому, что он сам был товаром, обладая и потребительной стоимостью, и стоимостью, то затем происходит умножение потребительной стоимости денег. Сначала на первый план выходит способность служить универсальным средством обмена, а затем – способность денег приносить добавочные деньги (ссудный капитал). Наличие собственной потребительной стоимости, присущей товарному телу денег становится сначала второстепенным, а затем и не нужным! Важными остаются лишь те качества денежного товара, которые определяют его способность выполнять свои функции – однокачественность составных частей, произвольная делимость, незначительная снашиваемость, пригодность к длительному хранению, концентрация высокой стоимости в небольших весовых частях, удобство передачи из рук руки и т.д. (Маркс, 1960, с. 99). В этом смысле пользоваться записями на электронных носителях еще удобнее, чем золотыми или серебряными монетами, или бумажными банкнотами.

«Как образ стоимости товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его особенного полезного труда и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда». (Маркс, 1960, с. 119). Можно

добавить, что «денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений» (там же, с. 100). Именно такие качества денежной формы делают впоследствии возможным переход от действительных денег к знакам стоимости.

Но какие же именно человеческие отношения скрыты за денежной формой? Сравнительно легче понять, какие отношения скрыты за формой товарного обмена, хотя и это частично не осознается. Товаровладельцы сопоставляют на рынке свои товары, во-первых, качественно, стремясь утвердить их бытие как необходимых звеньев общественного разделения труда (и тем самым – свою необходимость как производителей этих товаров), и, во-вторых, количественно, с точки зрения тех пропорций, которые складываются в обмене.

На основе чего происходит такое сопоставление, формирующее пропорцию обмена (меновую стоимость)? Неоклассическая теория исходит из того, что на основе сопоставления субъективных оценок предельных полезностей товаров продавцом и покупателем. Не буду отрицать, что такое сопоставление имеет место, но вот служить основой установления пропорции обмена оно никак не может. Я могу оценить полезность покупаемого и нужного мне товара, но как я могу оценить, сколько своего товара отдать в обмен? Ведь отдаваемый мною товар для меня никакой полезности не имеет (кроме возможности использовать его как средство приобретения другого, нужного мне товара), и оценить его с этой точки зрения я не могу (а чтобы оценить его полезность как средства обмена, надо знать пропорцию обмена – получается замкнутый круг). С аналогичной проблемой сталкивается и мой контрагент. У нас есть оценки полезности для нас приобретаемых товаров, но нет и не может быть оценки полезности отдаваемых! Я не рассматриваю здесь случаи, когда отдается нужная вещь в обмен на еще более нужную – я рассматриваю типичный процесс товарообмена между специализированными товаропроизводителями.

На самом деле в обмене товаропроизводители не руководствуются таким критерием, как стремление удовлетворить свое субъективное ощущение полезности. Они исходят из гораздо более рациональных экономических соображений. Люди производят, чтобы воспроизвести самих себя. Поэтому обмен, как с качественной, так и с количественной стороны должен обеспечить и возможность существования товаропроизводителя как физического лица (и лишь когда это обеспечено, можно удовлетворять иные потребности), и возможность возобновления его общественного бытия как агента производства, поскольку это является экономическим условием приобретения средств существования. Иными словами, в обмене должны быть получены средства возмещения затрат жизненной энергии производителя и возмещения потраченных средств производства. Именно эта принудительная, объективная экономическая необходимость лежит в основе установления пропорций обмена, определяя стоимость обмениваемых товаров.

Как же меняется это отношение, если товарный обмен превращается в товарно-денежный? По-прежнему товар можно продать только в том случае, если он удовлетворяет спрос, то есть является необходимым звеном общественного разделения труда. Но теперь нет необходимости искать контрагента, готового обменять свой товар на мой. В деньгах погашен образ проданной мною конкретной потребительной стоимости, и деньги выступают как воплощение стоимости вообще, безразличной к какой-либо особой натуральной форме. Теперь я получаю в руки универсальный товар, в обмен на который мне отдадут любой, в котором я нуждаюсь. Нет необходимости высчитывать натуральные пропорции обмена – товар получает денежное выражение своей стоимости, то есть цену. И весь вопрос состоит в том, способен ли товар при этой цене удовлетворить общественную потребность в нем, то есть соответствует ли цена спросу покупателей, является ли она отражением действительной стоимости товара при данных условиях производства и обмена.

Все становится гораздо сложнее, когда основной сферой обращения денег становится не рынок товаров, а рынок капиталов. Деньги как форма бытия капитала приобретают, в дополнение к свойству всеобщей обмениваемости, добавочную потребительную стоимость – способность приносить прибыль. «Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом качестве потенциального капитала, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром *sui generis*. Или, что сводится к тому же, капитал как капитал становится товаром» (Маркс, 1961, с. 372).

Превращению капитала в товар предшествует изменение формы бытия самих денег – они становятся кредитными деньгами. С развитием товарно-денежного обращения в основу движения денег все чаще кладутся кредитные обязательства агентов товарного производства и обращения. Кредитные деньги замещают в обращении действительные деньги, и уже в самых первых формах знаков стоимости (простых векселей и банковских векселей – банкнот) начинают совершать обращение независимо от тех стоимостей, знаками которых они являются. Тем самым они выступают как фиктивные стоимости, а затем – и как первая форма фиктивного капитала.

Когда торговля капиталом и обращение капитала начинает преобладать над обращением товаров, оказывается, что и кредитные деньги становятся основой денежного обращения. Вместе с тем как обращение капиталов начинает совершаться преимущественно в форме фиктивного капитала, денежный товар окончательно превращается в фиктивные стоимости (Маркс, 1962, с. 53, 61).

Это превращение происходит вскоре после завершения промышленного переворота в наиболее развитых странах. В конце XIX в. развивается концентрация производства и капитала, превращение крупных компаний в акционерные общества и возрастание массы разновидностей фиктивного капитала. К первоначально обращавшимся на финансовом рынке

векселям, государственным облигациям, складским распискам добавляется все возрастающая масса акций и облигаций частных компаний. Фиктивный капитал становится преобладающей формой капитала. Именно фиктивный капитал образует значительную часть активов банковской системы и как таковой становится основанием для совершения кредитной эмиссии. Тем самым кредитные деньги получают основание именно в фиктивном капитале.

Именно эти процессы приводят к неминому разложению системы золотого стандарта. Она становится препятствием на пути экспансии рынка капиталов. Первый крупный шаг в сторону от золотого стандарта был сделан под влиянием Первой мировой войны, но по ее окончании золотой стандарт был частично восстановлен. Следующий удар был нанесен Великой депрессией, и Бреттон-Вудская система восстановила золотой стандарт только по отношению к мировой резервной валюте — доллару. Однако в начале 1970-х годов и этот остаток золотого стандарта рухнул окончательно, и произошло окончательное оформление денег как фиатных.

Примерно с этого же времени фиктивный капитал начинает отрываться все дальше от своей реальной основы, и в XXI в. его оборот в десятки раз превосходит оборот реального капитала. В 2016 г. мировой экспорт составил 17 880 млрд долл., импорт — 18 133 млрд долл. В том же году оборот фондового рынка составил около 74 294 млрд долл. В то же самое время *ежедневный* оборот мирового валютного рынка в апреле 2016 г. достигал 5067 млрд долл. В том же году *ежедневный* оборот на рынке фьючерсов составил 5152 млрд долл., а *ежедневный* оборот опционов — 1502 млрд долл. (Колганов, 2019, с. 73).

Значительный интерес в рамках вопроса о природе денег вызывает такое новое явление в сфере денежного обращения, как криптовалюты и цифровые валюты. Если в отношении централизованных цифровых валют можно говорить лишь об изменении технологических инструментов денежного обращения, но никак не об изменении природы денежных от-

ношений, то с криптовалютами дело обстоит сложнее. Однако исследование фактической стороны вопроса приводит к заключению, что криптовалюты являются заметным явлением на финансовом рынке (около 1% глобальных финансовых активов (Криптовалюты..., 2022, с. 9)), но к собственно деньгам имеют косвенное отношение.

Криптовалюты в сфере обращения играют роль, подобную уже известным инструментам ограниченного обращения, вроде талонов, жетонов, так называемых игровых денег и т.п. Они используются как средство обмена в столь ограниченных масштабах, что говорить о наличии у них свойства всеобщей обмениваемости просто смешно. Так, например, число транзакций, совершенных платежной системой Visa в 2020 г., превышает число ончейн-транзакций с биткойном более чем в 1500 раз (Криптовалюты..., 2022, с. 10). И это связано не столько с препятствиями внешнего характера (правовой неопределенностью и правовыми ограничениями), сколько с собственными свойствами криптовалют — чрезвычайно высоким уровнем волатильности их курса. Фактически криптовалюты представляют собой разновидность спекулятивного финансового актива, к тому же дающего возможность совершать неконтролируемые транзакции, и именно в этом качестве пользуются спросом со стороны инвесторов. Криптовалюты тем самым выступают как форма чисто фиктивного финансового капитала, которая, в отличие даже от производных финансовых инструментов, не просто отрывается в своем движении от реальных базовых активов, а вообще не имеет базовых активов как таковых (за частичным исключением стейблкоинов).

ВЫВОДЫ

Происходит отрыв денег от своей первоначальной товарной основы, то есть фактическое разложение товарной природы денег. Оз-

начает ли это, что концепция товарных денег ошибочная? – Нет, не означает. Это означает лишь, что концепция товарной природы денег (как и сама эта природа) имеет свои исторические пределы. Деньги по форме остаются товаром (а в качестве потенциального капитала приобретают еще и добавочную потребительскую стоимость, совершенно отличную, однако, от физической формы их существования). Но это уже не тот золотой товар, некогда выделенный из общей массы товарного мира, и даже не его идеальный образ или знак.

Выступая как продукт обращения капиталов (преимущественно в форме фиктивного капитала), как результат кредитной эмиссии, опирающейся на государственный кредит, регулируемый центральными банками, деньги становятся отчасти нормативным отношением. Это происходит постольку, поскольку государственная кредитная эмиссия и государственное регулирование частной кредитной эмиссии становятся инструментом сознательного регулирования процесса капиталистического воспроизводства. Тем самым деньги (как отчасти и товар вообще) перестают выступать как воплощение отношений стихийного рынка, а значит, теряют часть своих свойств как продуктов товарного производства и обмена, свидетельствуя о постепенном разложении отношений товарного производства и о частичном выходе за границы рыночных отношений.

Список литературы / References

- Азизов А.А., Хорошилов А.С. (2020). Налогообложение в Древней Руси // Вопросы российской юстиции. Вып. 8, с. 338–346. [Azizov A.A., Khoroshilov A.S. (2020). Taxation in Ancient Russia. *Questions of Russian Justice*, iss. 8, pp. 338–346 (in Russian).]
- Берлев О.Д. (1966). Древнеегипетская денежная единица // [Православный] Палестинский сборник. Вып. 15 (78): История и филология стран Ближнего Востока. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 5–27. [Berlev O.D. (1966). The Ancient Egyptian monetary unit. (*Orthodox*) *Palestinian collection*. Issue 15 (78): History and Philology of the countries of the Middle East. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, pp. 5–27 (in Russian).]
- Гребер Д. (2015). Долг: первые 5000 лет истории. Перевод: Дунаев А.М.: Ад Маргинем. [Graeber D. (2015). *Debt: The first 5,000 years of history*. Translation: Dunaev A. Moscow: Ad Marginem (in Russian).]
- Ключевский В.О. (1987). Сочинения: В 9-ти т. Т. I. М.: Мысль. С. 165–166. [Klyuchevsky V.O. (1987). *Works: in 9 vol. Vol. I*. Moscow: Misl, pp. 165–166. (In Russian).]
- Колганов А.И. (2019). Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // Вопросы экономики. № 8, с. 67–84. [Kolganov A.I. (2019). The evolution of money as the moment of the evolution of financial capital. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 67–84 (in Russian).]
- Криптовалюты: тренды, риски, меры. (2022). Доклад для общественных консультаций. М: Банк России [Cryptocurrencies: trends, risks, measures. (2022). A report for public consultation. M: Bank of Russia (in Russian).] URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf
- Макконнелл К.Р. Брю С.Л. (1999). Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Пер. с 13-го англ. издания. М.: ИНФРА-М. [McConnell, C.R. Brue, S.L. (1999). *Economics: Principles, Problems and Politics*. Trans. from the 13th English edition. Moscow: INFRA-M (in Russian).]
- Маркс К. (1960) Капитал, т. I // Собр. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23. [Marx K. (1960) *Capital*. Vol. I. Collected works. 2nd iss. Vol. 23. Moscow: State Publishing House of Political Literature (in Russian).]
- Маркс К. (1961) Капитал, т. III // Собр. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 25. Ч. I. [Marx K. (1961) *Capital*. Vol. III. Collected works. 2nd iss. Vol. 25, part I. Moscow: State Publishing House of Political Literature (in Russian).]

- Маркс К. (1962) Капитал, т. III // Собр. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т 25. Ч. II. [Marx K. (1962) Capital. Vol. III. Collected works. 2nd iss. Vol. 25, part II. Moscow: State Publishing House of Political Literature (in Russian).]
- Мизес Л. фон. (2008). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. Челябинск: Социум. [Mises L. von. (2008). Human action: a treatise on economics. Trans. from the 3rd revised English edition of A.V. Kuryaev. Chelyabinsk: Socium (in Russian).]
- Мищенко С.В. (2010). Сущность и функции современных денег // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 1, с. 32–40. [Mishchenko S.V. (2010). The essence and functions of modern money. *Izvestiya of the St. Petersburg State University of Economics*, no. 1, pp. 32–40 (in Russian).]
- Правда Русская (1940) / под ред. академика Б.Д. Грекова. Т. I. М. – Л.: Изд-во АН СССР. [Russian Truth (1940). Edited by Academician B.D. Grekov. T. I. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).]
- Спасский И.Г. (1962). Русская монетная система. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа. [Spassky I.G. (1962). Russian Coin System. Leningrad: Publishing House of State Hermitage Museum (in Russian).]
- Фроянов И.Я. (2001). Начала русской истории. Избранное. М.: Изд. дом «Парад». [Froyanov I.Ya. (2001). The beginning of Russian history. Selected works. Moscow: Publishing House «Parade» (in Russian).]
- Хайек Ф.А. (1996). Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики. [Hayek F.A. (1996). Private money. Moscow: Institute of the National Model of Economics (in Russian).]
- Fisher I. (1911). The Purchasing Power of Money: Its Determination and Relation to Credit, Interest, and Crises. N.Y.: Macmillan.
- Friedman M. (1956). The Quantity Theory of Money: A Restatement. In: Studies on the Quantity Theory of Money. Ed. by M. Friedman. Chicago: University of Chicago Press, pp. 3–21.
- Friedman M., Schwartz A.J. (1986). Has government any role in money? *Journal of Monetary Economics*, vol. 17, Issue 1, pp. 37–62. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(86\)90005-X](https://doi.org/10.1016/0304-3932(86)90005-X)
- Keynes J.M. (1936). The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan.
- Knapp G.F. (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan.
- Minsky H.P. (1957). Monetary Systems and Accelerator Models. *The American Economic Review*, vol. 47, no. 6, pp. 860–883.
- Minsky H.P. (1991). Financial Crises: Systemic or Idiosyncratic. Jerome Levy Economics Institute of Bard College. *Working Paper*, no. 51, pp. 2–29.
- Minsky H.P. (1994). Financial Instability Hypothesis. In: The Elgar Companion to Radical Political Economy. Ed. by P. Arestis, M. Sawyer. Aldershot: Edward Elgar, pp. 153–158.
- Patinkin D. (1956). Money, Interest, and Prices: An Integration of Monetary and Value Theory. Evanston (Ill.). White Plains (N.Y.): Row, Peterson and Company.
- Tcherneva P.R. (2006). Chartalism and the Tax-driven Approach to Money. In: *A Handbook of Alternative Monetary Economics*. Ed. by P. Arestis, M. Sawyer. Aldershot: Edward Elgar, pp. 69–86.
- Wray L.R. (1990). Money and Credit in Capitalist Economies. The Endogenous Money Approach. Aldershot: Edward Elgar.
- Wray L.R. (2012). Modern money theory: A primer on macroeconomics for sovereign monetary systems. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Рукопись поступила в редакцию 25.12.2021 г.

WHAT IS MONEY?

A.I. Kolganov

DOI: 10.33293/1609-1442-2022-1(96)-17-28

Andrey I. Kolganov, Professor, Head of the Laboratory of comparative studies of socio-economic systems, Economic department, Lomonosov at Moscow State University; Lead-

ing Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; onaglo@mail.ru

The purpose of the article is to study the economic nature of money. The author notes that in a number of the most common monetary theories, the question of the nature of money is not even raised. The author shows that a number of modern theories of money are related to the nominalist theory, as well as to the concept of the credit nature of money. However, the nature of money in these concepts either does not receive a clear definition, or is based on an erroneous interpretation of facts. The author begins the answer to the question about the nature of money by analyzing the relations of commodity production underlying the origin of money. The author is based on the priority of the reproductive approach and believes that subjective psychological assessments of the usefulness of goods are not the basis of the proportions of exchange. Money is considered as a separate objective being of the objective property of value inherent in goods. Since capital in the modern economy is mainly in the form of fictitious capital, it is its turnover that acts as the basis for a credit issue that ensures monetary circulation. The regulated nature of credit relations marks the undermining of the properties of money as a product of the spontaneous movement of commodity production.

Keywords: money, coin, commodity production, exchange, capital, loan capital, credit, loan money, fictitious capital.

JEL classification: B10, B20, E41, E44, E50, P10.

Manuscript received 25.12.2021

ФРАКТАЛЬНАЯ ОСНОВА МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИЙ¹

В.В. Еремин

DOI: 10.33293/1609-1442-2022-1(96)-28-44

Цель статьи – разработка модели, описывающей распространение мультипликативного процесса в сфере инвестиций с позиций его фрактальности. Актуальность цели определена необходимостью инвестиций в российскую экономику для обеспечения ее роста. Моделирование мультипликативного процесса позволит учитывать его последствия в составе результатов крупных инвестиционных проектов, а также – активно управлять мультипликативными процессами, усиливая или снижая с их помощью темпы роста экономики. Задачей статьи является формирование модели, описывающей внутренние составляющие взаимодействия мультипликативного процесса с акселератором инвестиций. В статье формируется гипотеза о том, что основные стадии этого процесса самоподобны, следовательно, процесс является фрактальным. Сформированная модель обладает следующей научной новизной. 1) С помощью схем цепочек мультипликативной передачи дохода обосновывается фрактальность как самих этих цепочек, так и процесса их усиления мультипликатором инвестиций.

© Еремин В.В., 2022 г.

Еремин Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия; villy.eremin@gmail.com; ORCID 0000-0002-2144-3543

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».